

Эдогава
Рампо

Волшебные
чары
луны

АЗБУКА
Санкт-Петербург

УДК 821.521
ББК 84(5Япо)-44
Э 24

江戸川 乱歩

Перевод с японского
Галины Дуткиной, Татьяны Редько-Добровольской,
Виктора Скальника

Серийное оформление и оформление обложки
Вадима Пожидаева-мл.

ISBN 978-5-389-26200-3

© Г. Б. Дуткина, перевод, 2024
© Т. И. Редько-Добровольская, перевод, 2024
© В. В. Скальник, перевод, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Азбука®

ЧУДОВИЩЕ ВО МРАКЕ

1

Время от времени я размышляю вот о чем.

Мне кажется, что сочинители детективных романов делятся на две категории. Входящих в первую категорию можно условно обозначить «типом преступника» — их интересует лишь преступление — преступление как таковое, и, даже взявшись за произведение, основу которого составляет логика расследования, они не успокоятся, пока не выразят своего понимания антигуманной психологии преступника. Входящих же во вторую категорию можно условно именовать «типом детектива» — они испытывают интерес лишь к рассудочным методам раскрытия преступления, что же до психологии преступника, то она практически не становится предметом их внимания и заботы.

Так вот, писатель Сюдэй Оэ, о котором пойдет рассказ в этой повести, скорее всего, относится к первой категории, я же, пожалуй, принадлежу ко второй. Это означает, таким образом, что меня занимает исключительно научная методика раскрытия преступлений, хотя, описывая их, я, конечно, должен каждое преступление знать досконально. Однако из этого вовсе не следует, что у меня самого могут в чем-то проявляться преступные наклонности. Более того, нечасто можно встретить столь нравственного человека,

как я. И то, что я, добродушный и добродетельный человек, как-то невольно оказался вовлеченным в жуткую историю, выглядит совершеннейшей нелепицей. Будь я хоть чуточку менее склонен к добродетели, будь я мало-мальски подвержен влиянию порока, мне, наверное, не пришлось бы впоследствии так горько раскаиваться, не пришлось бы до сих пор терзаться мучительными сомнениями. Более того, вполне могло стать, что сейчас я наслаждался бы безбедной, обеспеченной жизнью с красавицей-женой.

С той поры как закончилась эта страшная история, много времени утекло, и, хотя мои тягостные сомнения до сих пор не развеялись, реальность тех дней отодвинулась далеко, перейдя в область воспоминаний. И вот я решил изложить минувшие события в виде хроники, полагая, что созданная на ее основе книга может оказаться весьма интересной. Однако, доведя свои записи до конца, я все не могу отважиться издать их. Почему? Да потому, что события, связанные с таинственной смертью г-на Коямады, которые составляют важную часть моих записок, до сих пор живы в памяти людей, и поэтому, даже прибегнув к вымышленным именам и видоизменив обстановку тех дней, я не могу быть до конца уверен, что моя повесть будет воспринята всего лишь как художественный вымысел.

Вполне вероятно, что найдутся люди, которых моя книга лишит покоя. Сознание этого смущает и тяготит меня. Более того, если сказать правду, я боюсь. И дело не только в том, что события, положенные в основу повествования, были страшнее и непонятнее самых безумных фантазий. Гораздо хуже, что мои догадки, возникшие в связи с описываемыми событиями, еще и теперь вселяют в меня ужас.

Когда я задумываюсь над тем, что произошло, голубое небо у меня над головой затягивается свинцовыми тучами, в ушах раздается барабанная дробь, в глазах темнеет и весь мир начинает казаться мне призрачным и таинственным.

Вот почему у меня пока не хватает духа опубликовать свои записки, но я не оставляю надежды когда-нибудь создать на их основе детективную повесть. Так что эта моя книжица, если можно так выразиться, не более как наброски той будущей повести, нечто вроде подробных замет на память. Я взял старый блокнот, в котором были исписаны лишь первые несколько листков, соответствующие новогодним дням, и принялся за свое писание в виде, быть может, несколько растянутых каждодневных записей.

Для начала следовало бы, забегая вперед, подробно рассказать о главном действующем лице разыгравшейся драмы, писателе Сюдэе Оэ, — о том, что он за человек, о его произведениях, наконец, о странном образе его жизни. Но дело в том, что до того происшествия, о котором пойдет речь, я не только не был знаком с ним лично, но почти не имел представления и о его жизни, хотя, разумеется, знал о нем по его книгам и даже вступал с ним в полемику на страницах журналов. Подробнее я узнал о нем лишь много позже от своего приятеля Хонды. Поэтому все, что касается Сюдэя, лучше изложить в том месте, где я буду рассказывать о своих беседах с этим Хондой. Мне кажется, будет более логичным, если я, следуя хронологии событий, начну свои записи с самого начала, с того момента, когда я оказался вовлеченным в эту жуткую историю.

Началось все это осенью прошлого года, приблизительно в середине октября.

В тот день мне захотелось посмотреть старинные буддийские скульптуры, и я отправился в Импера-

торский музей в Уэно. Я бродил по огромным полутемным залам музея, стараясь ступать неслышно, — в этом безлюдном пространстве каждый даже негромкий звук отзывался пугающим эхом, так что не только шум собственных шагов, но и чуть слышное покашливание могло кого угодно ужасно напугать. В музее не было ни души, и тут впору было задаться вопросом: почему нынче музеи не привлекают внимания посетителей? Большие стекла витрин холодно поблескивали, на полу, покрытом линолеумом, не было ни пылинки. Во всем здании, своими высокими сводами походившем на буддийский храм, царило безмолвие, какое, вероятно, царит на дне морском.

Остановившись перед одной из витрин, я долго, словно зачарованный, рассматривал прекрасное, с налетом эротизма, старинное деревянное изваяние бодхисаттвы. Вдруг у меня за спиной послышались приглушенные шаги и едва уловимый шелест шелка — ко мне кто-то приближался.

Невольно вздрогнув, я стал наблюдать за подходившей ко мне фигурой, всматриваясь в ее отражение в стекле витрины. То была женщина в шелковом узорчатом авасэ¹, с высокой прической в виде большого овального узла. На короткий миг ее отражение в стекле совпало с изображением бодхисаттвы. Став рядом со мной, незнакомка принялась разглядывать ту же скульптуру, что так пленила меня. Неловко признаться, но я, делая вид, будто целиком поглощен рассматриванием скульптуры, не мог удержаться от того, чтобы несколько раз тайком не взглянуть на стоящую рядом женщину, настолько она сразу завладела моим вниманием.

---

¹ *Авасэ* — легкое шелковое кимоно. (Здесь и далее — примеч. ред.)

Лицо ее было нежно-белое — такой отрадной близны мне никогда прежде не доводилось видеть. Если на свете действительно существуют русалки, у них наверняка должна быть такая же ослепительно-белая кожа, какая была у этой женщины. Все в ней: изгиб бровей, очертания носа и рта на чуть удлиннном, как это бывает на старинных гравюрах, лице, линии шеи и плеч — все дышало удивительной хрупкостью и изяществом. Пользуясь образным выражением старых писателей, можно сказать, что весь ее облик был настолько воздушен, что казалось: дотронься до нее — и она исчезнет. По сей день я не в силах позабыть ее мечтательного взгляда из-под длинных ресниц.

Кто из нас первым нарушил молчание, я теперь уже не помню, но, по всей вероятности, то был я. Мы обменялись несколькими словами о выставленных в музее скульптурах, и это нас как-то сблизило. Мы вместе обошли музей и вышли на улицу. Я проводил ее до перекрестка, где улица Яманоути переходит в Яманосита, и на протяжении всего этого неблизкого пути мы говорили о самых разных вещах.

По мере продолжения беседы очарование ее в моих глазах все возрастало. Когда она улыбалась, на ее лице появлялось застенчиво-утонченное выражение, которое вызывало во мне то совершенно особое чувство, какое я испытывал, глядя на старинное изображение какой-нибудь святой или на Мону Лизу с ее таинственной улыбкой. Верхние боковые зубы женщины, так называемые клыки, были крупнее передних, и, когда она улыбалась, верхняя губа приподнималась над ними, образуя причудливо изогнутую линию. На белоснежной коже ее правой щеки выделялась большая родинка, которая от улыбки чуть приметно смещалась, как бы повинуюсь этой изогнутой линии, что

придавало лицу женщины удивительно нежное и милое выражение.

И все-таки, не заметь я на затылке этой женщины какой-то странный след, она так и осталась бы для меня просто изящной, обаятельной, утонченной красавицей, к которой достаточно прикоснуться, чтобы она исчезла, но никогда не возымела бы надо мною такой притягательной силы.

След этот был искусно, хотя, возможно, и не нарочито, прикрыт воротом одежды, и все же, идя с этой женщиной по улице, я неожиданно его заметил. То была красная полоса, идущая от затылка и, надо думать, по спине. Ее можно было с равным основанием принять и за родимое пятно, и за след от недавно сошедшего струпа. Этот знак, казалось сотканный из тончайших красных нитей на гладкой белоснежной коже ее изящно вылепленного затылка, наводил на мысль о жестокости, но при этом, как ни странно, выглядел весьма эротично. Как только я его увидел, к красоте женщины, которая до сих пор казалась мне бесплотной, точно сновидение, сразу добавилось острое ощущение живой действительности, и эта красота неудержимо влекла меня к себе.

Из разговора с женщиной я узнал, что зовут ее Сидзуко Коямада и что она замужем за коммерсантом по имени Рокуро Коямада, компаньоном в одной из солидных торговых фирм. К большой радости для себя, я выяснил, что Сидзуко принадлежит к числу поклонников детективного жанра и что мои произведения нравятся ей более других (как только я это услышал, сердце мое возликовало). Разговор о литературе невольно сблизил нас, и в этом не было ничего противоестественного. Когда наступило время с этой замечательной женщиной расставаться, я не испытал

особого сожаления: благодаря счастливому совпадению наших интересов мы условились впредь время от времени обмениваться письмами.

Меня подкупил превосходный вкус этой женщины, которая, несмотря на свою молодость, любила проводить время в безлюдных музеях, и, кроме того, мне весьма импонировало, что из всей массы выходивших детективных произведений она особенно ценила мои сочинения, которые пользовались репутацией рассудочных. Короче говоря, я совершенно пленился этой женщиной и в самом деле стал частенько посылать ей ничего не значащие письма, она же отвечала мне на них любезными, по-женски учтивыми посланиями. О, каким счастьем было для меня, привыкшего к одиночеству холостяка, обрести друга в лице этой очаровательной женщины!

2

Наш обмен письмами с Сидзуко Коямадой продолжался несколько месяцев. Не могу отрицать, что со временем я не без смятения заметил, что в моих письмах появился некий затаенный смысл, да и в письмах Сидзуко (или мне только так казалось?), при всей их учливой сдержанности, нет-нет да и прорывалась особая теплота, к которой никоим образом не обязывало случайное знакомство. Стыдно признаться, но с помощью всевозможных уловок я попытался выведать кое-что о супруге Сидзуко, г-не Рокуро Коямаде, и узнал, что он много старше Сидзуко, совершенно лыс и от этого выглядит человеком преклонного возраста.

В феврале этого года в письмах Сидзуко появилась какая-то странная нотка. Чувствовалось, что она чем-то серьезно встревожена.

«Нынче произошло событие, ужасно напугавшее меня, за всю ночь я не сомкнула глаз», — писала она в одном из своих писем, и сквозь эту немудреную фразу я увидел как наяву трепещущую от страха Сидзуко.

В другом ее письме говорилось: «Не знакомы ли Вы, мой друг, с писателем Сюдзэем Оэ, который, как и Вы, пишет детективные романы? Если Вам известно, где он живет, сообщите мне, пожалуйста».

Разумеется, я хорошо знал произведения Сюдзэя Оэ, однако знаком с писателем лично не был. Дело в том, что он слыл ужасным мизантропом и никогда не появлялся даже на писательских встречах. Кроме того, ходили слухи, что в середине прошлого года он вдруг бросил писать и переехал на другую квартиру, не сообщив никому своего нового адреса. Об этом я и известил Сидзуку, но, когда до меня дошло, что ее страхи так или иначе связаны с личностью Оэ, мной овладело смутное беспокойство, о причинах которого я расскажу позднее.

Вскоре от Сидзуки пришла открытка: «Мне нужно с Вами поговорить. Можно ли прийти к Вам?» Я смутно догадывался о содержании предстоящего разговора, но, конечно, и представить себе не мог, что дело обстоит столь серьезно, и потому радовался, как глупец, возможности вновь увидеть Сидзуку, предаваясь мысленно разного рода не вполне пристойным фантазиям.

Получив мой ответ: «Жду Вас», Сидзука тотчас же явилась ко мне. Я вышел встретить ее в переднюю. Сидзука была настолько удручена и подавлена, что я готов был прийти в отчаяние, а содержание нашего разговора оказалось столь необычным, что мои сумасбродные грезы сразу развеялись.

— Я не в силах справиться со своим состоянием и поэтому решила побеспокоить вас, — начала Си-

дзуко. — Мне показалось, что вам можно довериться... Боюсь только, что говорить по этому щекотливому делу с вами, человеком, которого я знаю так мало, не вполне удобно... — Сказав это, Сидзуко улыбнулась своею обычной улыбкой, обнажившей ее зубы и сдвинувшей с места родинку на щеке, и украдкой взглянула на меня.

Было холодно, и я придвинул к письменному столу продолговатую печурку-хибати в ящике из красного дерева. Чинно усевшись напротив меня, она положила пальцы на край ящика. Эти пальцы словно воплощали всю сокровенную суть этой женщины — гибкие, тонкие, изящные, они тем не менее не казались чрезмерно худыми, а их первородная белизна не производила болезненного впечатления. При всей их грации, сжатые в кулак, эти пальцы таили в себе некую упругую силу. Впрочем, не только пальцы — все тело этой женщины виделось таким.

Задумчивость Сидзуко заставила меня стать серьезным, и я произнес в ответ:

— Готов помочь вам всем, что в моих силах.

— Это действительно ужасная история, — сказала Сидзуко, как бы предваряя этим заявлением свой рассказ. Затем она поведала мне о весьма странных событиях, перемежая свое повествование воспоминаниями о своей жизни начиная с детских лет.

Рассказанное Сидзуко вкратце сводилось к тому, что родилась она в Сидзуоке и годы ее юности, вплоть до окончания местной гимназии, были вполне счастливыми.

Единственным событием, омрачившим безмятежное счастье тех лет, была встреча с неким молодым человеком по имени Итиро Хирата, который, воспользовавшись неопытностью девушки, склонил ее к любовной связи. В то время ей было восемнадцать лет.

Несчастливым это событие было потому, что Сидзуко лишь играла в любовь, повинувшись мимолетному капризу своего сердца, но не испытывала к Хирате по-настоящему глубокого чувства. Между тем чувство Хираты было вполне серьезным.

Вскоре девушка стала избегать Хираты, который докучал ей своими преследованиями, что же до юноши, то его привязанность к Сидзуко все росла. И вот по ночам Сидзуко стала замечать какую-то фигуру, которая бродила вокруг дома, а вскоре на ее имя начали приходить угрожающие письма. У восемнадцатилетней девушки были все основания опасаться возмездия за свое легкомыслие. Вид не на шутку встревоженной дочери взволновал и родителей Сидзуко.

И вот как раз в то самое время ее семью постигло несчастье, которое обернулось счастьем для самой Сидзуко. Из-за резкого колебания цен на рынке ее отец не смог расплатиться с долгами и был вынужден свернуть торговлю. Спасаясь от кредиторов, он нашел себе прибежище у одного своего приятеля в городке Хиконэ.

Столь неожиданный поворот событий заставил Сидзуко бросить учение незадолго до окончания школы, однако, с другой стороны, благодаря перемене места жительства она избавилась от преследований злопамятного Хираты и смогла наконец вздохнуть свободно.

Из-за свалившихся на него бед отец Сидзуко слег в постель и вскоре скончался. Оставшись вдвоем с матерью, Сидзуко влачила жалкое существование. Однако это продолжалось недолго: в скором времени к ней посватался г-н Коямада, коммерсант, уроженец тех мест, где жили теперь в полном уединении мать и дочь. То был перст судьбы.

Как-то увидев Сидзуко, Коямада горячо полюбил ее и вскоре попросил ее руки. Сидзуко не отвергла его, хотя он был старше ее лет на десять. Девушку привлекал и его благородный облик, и хорошие манеры. Предложение г-на Коямады было с готовностью принято, и вскорости Сидзуко с матерью поселилась в его токийском особняке.

С тех пор минуло семь лет. Никаких из ряда вон выходящих событий за это время в их семье не произошло, если не считать, что через три года после замужества Сидзуко скончалась ее мать, а еще через некоторое время г-н Коямада отправился по делам фирмы на два года за границу (по словам Сидзуко, вернулся он в конце позапрошлого года, а она все время, пока он отсутствовал, чтобы скрасить свое одиночество, брала уроки чайной церемонии, музыки и аранжировки цветов). Супруги хорошо ладили между собой и все эти годы были счастливы.

Г-н Коямада оказался весьма предприимчивым дельцом и за прошедшие семь лет сумел заметно приумножить свое состояние. Положение его в деловом мире было как никогда прочным.

— Стыдно признаться, но, выходя замуж за Коямаду, я утаила от него все, что касалось этого Хираты. — От стыда и затаенной печали Сидзуко потупила взор. В ее глазах под длинными ресницами блеснули слезы. Тихим голосом она продолжала: — Услышав как-то фамилию Хирата, муж что-то заподозрил, я же на все его расспросы отвечала, что никакого другого мужчины, кроме него, не знала. Одним словом, я скрыла от него правду, и это продолжается по сей день. Чем больше Коямада подозревает меня, тем искуснее мне приходится ему лгать. Человек не ведает, где подстерегает его несчастье. Страшно подумать, но ложь, ска-

занная мной семь лет назад, причем без всякого злого умысла, приняла столь ужасное обличье и заставляет меня так страдать сегодня. Я совершенно забыла о существовании Хираты. Настолько забыла, что, неожиданно получив от него письмо и взглянув на имя отправителя, не сразу вспомнила, кто он такой.

С этими словами Сидзуко протянула мне несколько писем Хираты. Эти письма были отданы мне на хранение и по сей день находятся у меня. Приведу первое из них, поскольку его содержание как нельзя лучше вписывается в мой рассказ.

Женщине, отринувшей мою любовь.

Сидзуко-сан, наконец-то я отыскал тебя. Ты, конечно, меня не заметила, но я, случайно встретив тебя, пошел за тобой следом и узнал, где ты живешь. Узнал и твою теперешнюю фамилию — Коямада.

Надеюсь, ты не забыла Итиро Хирату, того самого человека, который стал тебе столь ненавистен?

Тебе, бессердечная, не понять, как я страдал, когда ты меня отвергла. Сколько раз среди ночи бродил я вокруг твоего дома, не в силах унять сердечную муку. Но чем сильнее становилась моя страсть, тем более ты охладевала ко мне. Избегала меня, боялась меня и в конце концов возненавидела меня.

Можешь ли ты понять страдальца, которого ненавидит любимый им человек? Нет нужды объяснять, что со временем мои страдания перешли в обиду, обида переросла в ненависть, а ненависть, окрепнув, породила во мне желание мстить.

Когда ты, воспользовавшись благоприятно для тебя сложившимися семейными обстоятельствами, скрылась от меня, точно беглянка, без единого слова прощания, я в течение нескольких дней не выходил из

своей комнаты, не притрагивался к еде. Тогда-то я и поклялся отомстить тебе.

Но я не знал, где тебя искать. Скрываясь от кредиторов, твой отец никому не сказал, куда вы переезжаете. Я совершенно не знал, когда мне доведется тебя встретить. Но я точно знал, что впереди у меня целая жизнь, и был уверен, что когда-нибудь в этой жизни встречу тебя.

Я был беден. Мне приходилось самому добывать себе средства к существованию. И по этой причине я долго не мог начать поиски. Прошел год, потом два, дни летели со скоростью выпущенных из лука стрел, и все время я был вынужден бороться с нуждой. Уставая от этой постоянной борьбы, я, сам того не желая, забывал о нанесенной мне обиде. Все мои помыслы были направлены на то, чтобы заработать себе на пропитание.

Но вот года три назад мне неожиданно посчастливилось. На пределе отчаяния от неудач, которые я терпел во всем, за что бы ни брался, я попробовал ради развлечения написать повесть. На этом поприще мне улыбнулась удача, и я занялся литературным трудом.

Ты, как прежде, наверное, много читаешь, и я полагаю, тебе известно имя автора детективных рассказов Сюдэя Оэ. Правда, вот уже год, как он ничего не пишет, но его имя, должно быть, еще не забыто. Так вот, Сюдэй Оэ — это я.

Быть может, ты думаешь, что в погоне за дешевой славой писателя я забыл о своей обиде. О нет! Свою первую жестокую повесть я смог написать только потому, что сердце мое было исполнено ненависти. Если бы мои читатели хотя бы в малой степени отдавали себе отчет, что подозрительность, одержимость злом и жестокость, пронизывающие эту повесть, суть

не что иное, как порождение не покидающей меня жажды мести, они содрогнулись бы от ужаса.

Сидзуко-сан, как только я обрел благополучие и уверенность в завтрашнем дне, я принялся — в той мере, в какой мне это позволяли средства и время, — разыскивать тебя. Разумеется, я делал это не потому, что питал бессмысленную надежду вернуть себе твою любовь. У меня уже есть жена, с которой я связал себя формально, для того лишь, чтобы избавиться от житейских хлопот. Однако для меня возлюбленная и жена отнюдь не одно и то же. Женившись, я не забыл обиды на презревшую меня возлюбленную.

И вот, Сидзуко-сан, я нашел тебя.

Меня бьет радостная дрожь. Пришло время исполнить желание, которое я лелеял долгие годы. Все это время я перебирал в уме различные способы мести, испытывая при этом радость, подобную той, какая охватывала меня, когда я находил острые сюжеты для своих произведений. И вот наконец я нашел такой способ мщения, который не только причинит тебе невыносимое страдание, но и повергнет тебя в неопикуемый ужас. Представь себе, какой восторг я испытываю от одной мысли об этом! Даже если ты решишь обратиться в полицию, тебе не удастся помешать осуществлению моего плана. Я предусмотрел все.

Около года назад газеты и журналы сообщили о моем исчезновении. Оно не имело никакого отношения к плану мщения. Причина моего бегства — склонность к мизантропии и пристрастие к таинственности. Однако теперь это обстоятельство играет мне на руку. Я укроюсь от людей еще более тщательно и затем не спеша приступлю к осуществлению своего плана.

Конечно же, тебе не терпится узнать, в чем состоит мой план. Сейчас я не могу раскрыть его тебе полностью. Ведь наилучший результат будет достигнут тогда, когда ужас охватит тебя внезапно.

Впрочем, если ты настаиваешь, я слегка приподниму завесу тайны над некоторыми деталями. Хочешь, я перечислю до мельчайших подробностей все, что ты делала у себя дома четыре дня назад, вечером тридцать первого января?

С 17:00 до 19:30 ты читала книгу, сидя за маленьким столиком в комнате, которая в вашем доме отведена под спальню. Книга, которую ты читала, была сборником рассказов Рюро Хироцу под названием «Странные глаза». Прочла ты лишь первый рассказ.

В 19:30 ты велела прислуге приготовить чай и до 19:40 выпила три чашки чая и съела две вафли с начинкой от «Фугэцу».

В 19:40 ты пошла в туалет и спустя пять минут вернулась к себе. До 21:00 ты занималась вязаньем в глубокой задумчивости.

В 21:10 пришел твой муж. С 21:20 до начала одиннадцатого вы беседовали с мужем, попивая вино. Муж налил тебе полбокала. Поднеся вино к губам, ты заметила в бокале кусочек пробки и извлекла его оттуда пальцами. Сразу после трапезы ты приказала прислуге постелить постели.

До 23:00 вы с мужем не спали. Когда ты улеглась в свою постель, ваши стенные часы (кстати сказать, они отстают) пробили ровно одиннадцать.

Не охватывает ли тебя ужас при чтении этих записей, точных, как железнодорожное расписание?

Мститель.

Ночь под 3 февраля.

— Я и прежде знала писателя Сюдзэ Оэ, — пояснила Сидзуко, — но мне и в голову не приходило, что это псевдоним Итиро Хираты.

По правде говоря, и среди нас, писателей, вряд ли кто знал подлинное имя Сюдзэ Оэ. И я, наверное, никогда ничего не узнал бы о нем, если бы не мой приятель Хонда, который часто навещался ко мне и время от времени рассказывал кое-что о Сюдзэ. Вот ведь до чего можно сторониться людей и не любить общества!

Помимо процитированного мною письма, Сидзуко получила от Хираты еще три. Они мало чем отличались друг от друга (хотя всякий раз были почему-то отправлены из разных мест): в каждом из них после отчаянных проклятий и угроз следовало детальное изложение всех событий того или иного вечера в жизни Сидзуко с точным указанием времени. Особенно это касалось секретов ее спальни — все самые тайные, самые интимные подробности в поведении Сидзуко представляли в нарочито обнаженном виде. С хладнокровным бесстыдством описывал Хирата все телодвижения, упоминал о произносимых словах, что не могло не вызвать краски стыда.

Нетрудно было представить себе, какого смущения, какой боли стоило Сидзуко показать эти письма постороннему человеку. Следовательно, только крайние обстоятельства заставили ее превозмочь себя и рискнуть обратиться ко мне за советом. С одной стороны, ее появление в моем доме доказывало, что Сидзуко больше всего на свете боится, как бы ее мужу не стала известна тайна ее прошлого, а именно что она лишилась девственности еще до замужества. С другой стороны, я видел в этом по-настоящему глубокое доверие ко мне.

Эдогава Рампо

Э 24 Волшебные чары луны : повести и рассказы / Эдогава Рампо ; пер. с яп. Г. Дуткиной, Т. Редько-Добровольской, В. Скальника. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. — 512 с. — (Изыщная классика Востока).

ISBN 978-5-389-26200-3

В творчестве Эдогавы Рампо (настоящее имя Таро Хираи), признанного мастера японского детектива, соединились лучшие приемы западных классиков жанра и богатые традиции японской литературы ужасов — кайдан. Иррациональное, мистическое, сверхъестественное и необычайное придают особое очарование историям Рампо, многие из которых объединены обаятельным героем — детективом Когоро Акэти. Самые таинственные происшествия он раскрывает, пользуясь единым принципом: «Чтобы раскрыть преступление, не нужно головоломных загадок и хитроумных машин... надо уметь придумать вопрос». Но порой за вопросом приходит не ответ, а только новые вопросы. И человеческое рации замороженно отступает перед магией лунного света, играми оборотней и коварством зеркал.

УДК 821.521

ББК 84(5Япо)-44

ЭДОГАВА РАМПО

ВОЛШЕБНЫЕ ЧАРЫ ЛУНЫ

Ответственный редактор Екатерина Дубянская
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Юлия Теплова, Валентина Гончар

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 01.07.2024.
Формат издания 76 × 100 1/32. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 22,56. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака АЗБУКА, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — АЗБУКА тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, к. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12-14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	Санкт-Петербург к. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12-14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+

Отпечатано в Публичном акционерном обществе
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, тел.: (49638) 20-685

A-CEL-35181-01-R